

Письмо третье. Кельнский собор

Не думай, мой дорогой Друг, что это письмо будет целиком посвящено описанию Кельнского собора или его истории. Нет, Кельнский собор на этот раз будет служить для меня лишь символом религиозного европейского сознания. Кельнский собор я избрал по многим причинам. Из многочисленных виденных мною готических соборов Кельнский произвел на меня самое неотразимое впечатление. Несколько раз посетил я его, любовался им снаружи и со всех сторон, надолго предавался внутри созерцанию его стрельчатых верхов. Другие древние соборы Европы я осматривал скорее как исторические памятники, посещал с холодным вниманием туриста, который должен видеть все достопримечательности. Там напала на душу лишь волна исторических воспоминаний и мечтаний. Вспомнились короли, феодалы, рыцари, турниры. Не то было около Кельнского собора. Он манил меня к себе с какой-то силой непонятной. Я впивался в него глазами, когда подъезжал к городу по Рейну. Уезжая из Кельна, я приходил к собору прощаться. Редко, очень редко мне приходилось переживать столь же сильное впечатление художественного единства, как это было близ Кельнского собора. Венский Stephansdom, древний Майнцский собор, Kaiserdom во Франкфурте на Майне, Notre Dame de Paris, Венская Votivkirche и др. готические соборы такого впечатления на меня не произвели. Я, мой Друг, не справляясь с курсами истории

средневекового искусства, скажу Тебе свое мнение: Кельнский собор представляется мне самым ярким образцом готического архитектурного стиля. Да по-думай, Друг, — в темно-серых массах Кельнского собора воплотился гений целого ряда немецких художников: начатый постройкой еще в XIII веке, собор совершенно закончен лишь в 1880 году. Да и независимо от Кельнского собора, готический стиль, думается мне, наиболее типичен для Запада, в частности для религиозного сознания Запада. Что такое, в самом деле, готический стиль? Это чисто западный продукт искусства. В этом стиле уж не найти никаких следов греческого или римского влияния. Стиль этот на Западе и начался уже тогда, когда Запад отпал от Церкви, когда, следовательно, и религиозное сознание Запада обособилось от сознания церковно-христианского. Что же от этого обособления получилось?

Присмотрись, милый Друг, хоть к этим снимкам Кельнского собора, присмотришь попристальнее, — не найдешь ли здесь ответа?

Наружный вид Кельнского собора может очаровать. Посмотри, какая сложность рисунка, какая сложность художественного замысла, какая масса архитектурных мелочей! И при всем том, какое изящество, какая тонкость работы, какое единство художественного целого! Много узоров архитектурного рисунка, — и однако все на своем месте, ничто не бросается в глаза в отдельности, ничего не видно лишнего. И все вверх, все вверх. Когда я первый раз близко

пошел к собору, то почувствовал, будто меня кто тоже потянул вверх.

Войдем теперь внутрь собора.

Внутри впечатление все остается тем же впечатлением художественного единства. Здесь лишь обший тон посветлее: не темно серый, почти черный, как снаружи, а серо-желтый. И здесь, внутри, потянулись ввысь бесчисленные колонны, которые там сплелись между собою сложными сводами. Но это так высоко, что больно голове, когда запрокидываешь ее, чтобы видеть своды. Внутри рисунок тоже сложный: ведь нет ни одной круглой колонны, каждая колонна будто связана из десятка отдельных колонн. Впрочем, внутри скоро замечашь — и даже с неприятным чувством — однообразие. Вся внутренность наполнена одними колоннами, а колонны все совершенно одинаковы.

Проходит некоторое время и начинаешь чувствовать, что в этом прекрасном художественно построенном храм чего-то недостает и недостает чего-то существенного. Начинает работать мысль, стараясь ответить на вопрос о том, чего недостает Кельнскому собору и всякому готическому храму. Сам собою скоро всплывает ответ: здесь недостает Бога, недостает святости, недостает жизни. Посмотри на внутренний вид собора! Ты увидишь, что только два ряда статуй по колоннам среднего нефа украшают собор, но и эти статуи будто застыли, замерли, — они так же серы, как и колонны. Здесь нет того, что мы называем церковным благолепием. Что же остается? Остаются

ДА НЕ БУДУТ ТЕБЕ БОЗИ ИНИИ!

одни художественные трюки архитектора. Глаза разбегаются по архитектурным подробностям — и только. А войди в наш православный храм, украшенный всюю красотю церковного благолепия, например, в Троицкой собор нашей Сергиевой лавры (Не находу равного храма нигде!). Здесь все пропитано свято-стью; прежде всего здесь чувствуешь при входе, что вошел в дом Божий, и невольно поднимается рука для крестного знамени. В православных храмах архитектурное искусство само по себе стоит как бы позади. Православных храмов без церковного благолепия я совершенно не признаю и никак не могу одобрить, например, большинства петроградских храмов. Войди, например, в собор Александрo-Невской лавры! Много раз нужно напоминать себе, что вошел в храм, а не просто в какую-то галерею. Строить пустые храмы у нас начали тогда, когда связались с западными еретиками и начали им подражать. Предки же наши благочестивые строили храмы всегда с полным украшением церковным. Священная живопись покрывает всю внутренность наших старинных храмов. А в новых храмах петербургской эпохи русской истории начали вешать лишь кое-где картины в рамах и картины совершенно безобразные. Замечательно, что картины эти навевают прежде всего не религиозные благочестивые настроения, но лишь художественные эмоции, как это было бы и вне всякого храма, например, в картинной галерее. Вот почему многие и посещают подобные храмы так, как храмов посещать не следует, а как можно обходить лишь картинные

галереи. Не забуду, как однажды в соборе Александро-Невской лавры ко мне одна дама-туристка, смотря в путеводитель, обратилась с вопросом:

— Скажите, где здесь иконы Ван-Дика и Рубенса? Я ответил:

— Сударыня! У нас таких святых нет.

Такие храмы, которые могут возбудить только скорбь и уныние, у нас, говорю, появились лишь в несчастный петербургский период, когда мы жили чужим умом и отвернулись от родных исторических сокровищ.

Но готический стиль таков, что храм, выстроенный в этом стиле, уж никак не может быть украшен по церковному, чтобы походить на Божие жилище. Колонны, колонны, целый лес колонн, а священной картины написать негде. Выдумали делать мозаические прозрачные окна, но из среднего нефа изображений оконных не видно, да иногда там просто ковровые украшения, без всяких священных картин. Так и стоят еретические готические храмы — пустые, будто нежилые, какие-то бездушные. Вынеси из любой хорошо обставленной квартиры мебель, картины и все прочее, — будет неугодно, неприятно, хочется скорее уйти. Я сделаю, Друг мой, одно резкое сравнение. Если в готическом храме, например, в Кельнском соборе, проложить рельсы и пустить паровозы с вагонами, то в сущности не будет никакого оскорбления религиозного чувства. А попробуй то же сделать у нас в Троицком или Успенском соборе, — да просто ужасно и представить такое кощунство!

ДА НЕ БУДУТ ТЕБЕ БОЗИ ИНИИ!

У Данта в "Аду" еретики мучаются в раскаленных тесных гробах. Это значит, что грех еретиков — их узость, их односторонность. Везде вне православия чувствуется именно узость, какая-то близорукость. Вот, например, западные еретики как много заботятся о комфорте своих собственных жилищ, сколько стилей один другого удобнее изобрели! Но для Божия жилища изобрели готику, совершенно неуютную, мрачную, сухую и мертвую. Очевидно, жизнь отошла от религии, когда еретики отошли от Церкви. Замечательно, что готика развилась в период господства схоластики. Мне думается, дорогой Друг, что готика и схоластика друг другу родственны. Схоластическая система, подобно Кельнскому собору, бывает сложна и стройна; в ней много мелочей, но все эти мелочи друг с другом связаны, друг за друга держатся. Но подойдешь к любой схоластической системе и увидишь, что при всей своей стройности она безжизненна, от нее веет смертью. Готика — это схоластика в камне. Схоластика у западных еретиков заменила религиозную жизнь с ее разнообразными цветами чувства, с ее прекрасными порывами воли. В западном религиозном мышлении схоластика господствует: католики учатся по Фоме Аквинагу, протестанты занялись религиозным мышлением ради него самого, без всякой связи с жизнью. Еще древне-церковные писатели упрекали еретиков в рационализме и западных еретиков в рационализме же начали упрекать православные богословы, начиная с А. С. Хомякова. Об этой именно рационализации христианской

ПИСЬМА О ЗАПАДЕ

жизни проповедует, думается мне, и готическая архитектура западных храмов. За это стоит западных еретиков мучить в тесных гробах. Более узких и более односторонних людей, нежели рационалисты, представить себе нельзя.

Не напрасно, Друг мой, некоторые историки искусства готический стиль называли стилем немцев; французы от этого стиля открещивались еще в XVIII веке. Да, не напрасно, потому что немецкую душу рационализм захватил, кажется, больше, нежели какую другую. Это ведь немцы задумали подменить богословие богословской наукой. Это ведь немцы в философии не пожалели мира ради торжества отвлеченной мысли. Типичный немец Кант обратил весь мир в непонятое и непостижимое Ding an sich. Славянин по природе не рационалист. Славянину рационализм противен. Помнишь, как пишет Толстой о самоуверенности? "Немцы бывают самоуверенными на основании отвлеченной идеи, науки, т. е. мнимого знания совершенной истины. Немец самоуверен хуже всех и тверже всех и противнее всех, потому что он воображает, что знает истину, науку, которую он сам выдумал, но когб́рая для него есть абсолютная истина" ("Война и мир"). Здесь я слышу голос славянина. Жаль только, что Толстой сам в качестве религиозного лжеучителя целиком стал на почву противного немецкого рационализма, немецкой науки. В "Соединении и переводе четырех евангелий" у него чуть ли не на каждой странице немец Рейсс, из неважных ученых немцевких. Не случайно, думаю, готической

ДА НЕ БУДУТ ТЕБЕ БОЗИ ИНИИ!

стиль не мог привиться в странах славянских: к православию он безусловно не подходит, да и без православия в славянской душе он не найдет сочувственного отклика. У чехов в Праге собор готический, но любви к нему не видно: он крайне запущен и так заставлен строениями, что его в целом можно видеть лишь издали.

Но Ты, мой сердечный Друг, может быть, мне возразишь: "Неужели вся религиозная жизнь на Западе подменена схоластикой и рационализмом? Разве нет там мистики, чувства?" О, несомненно есть, но только и на мистике, и на религиозном чувстве у Запада лежит нездоровый отпечаток.

И знаешь ли, Друг мой, мне кажется, что оттенки этого нездорового чувства между прочим материализованы тоже в готическом стиле. Эти оттенки мы можем с Тобою найти в том же Кельнском соборе. Откуда взялась готика? На этот вопрос некоторые отвечали так: "Первичное зерно готики — в дремучих лесах Галлии и Германии с их переплетающимися вершинами, с высокими и ровными стволами, с их таинственным полумраком". Шатобриан, например, говорил, что в готических храмах та же религиозная жуть и таинственность, что и в дремучем лесу. Религиозная жуть... Это выражение мне нравится; оно хорошо передает впечатление от готических храмов. Посмотри на внутренний вид Кельнского собора. Представь себе, что Ты там находишься, что за узорными окнами спускаются сумерки. Лишь на алтаре мерцает светильник. Сводчатый потолок совершенно утопает во

мраке. Невольно закрадется в душу религиозная жуть...

Я могу рекомендовать Тебе, Друг, один опыт. Ты поприспальнее и подольше посмотри хогь на избрание внутренности Кельнского собора. Даже от картинки веет каким-то духом мечтательности. Не правда ли? А в самом соборе только сядь на лавочку поближе к колонне, — сейчас нападет мечтательность. А воображаю, как можно сидеть в полумраке собора! Несутся звуки органа, утопают во мраке под сводами, эхом отзываются в дальних углах храма за рядами причудливых колонн... Жуть и мечтательность — вот, думается мне, что должно наполнять душу молящегося в готическом храме! Вспомни, как Виктор Гюго описывает "Собор Парижской Богоматери"! Там тоже не мало именно жуткого и мечтательного, порою даже страшного.

Рабская боязнь и сантиментальная мечтательность — вот что материализовано в готике Кельнского собора, но этими именно чертами отличается и западное религиозное чувство, западная религиозная мистика. За последнее время у нас чаще, нежели нужно, вспоминают Франциска Ассизского. Но я лично прямо не выношу сантиментализма этого западного мистика с его "сестрами ласточками" и т. п. Наши святы были свободны от болезненного мистицизма и слащавой сантиментальности. Возьми преп. Сергия. Как его святая душа отличается от восторженно сантиментальной души Франциска! Спасибо М. В. Лодыженскому за то, что он в своей мистической трилогии

ДА НЕ БУДУТ ТЕБЕ БОЗИ ИНИИ!

показал превосходство души преп. Серафима пред душой Франциска ("Свет Незримый"). У наших святых нет и тени мечтательности, не говоря уже о "религиозной жути". Да и вообще в этом пункте православная русская психология существенно отличается от психологии западной еретической. Идеализм и реализм, позитивизм и мистицизм сочетаются воедино в русской душе. Это отметил как особенность русской души и француз Легоу — Beau lieu (L'empire des tsars et les gusses, t. III). Недаром иногда русские монастыри ведут прекрасное хозяйство и ведут в простоте сердечной, не чувствуя никаких коллизий и сомнений.

Быть может Ты, милый Друг, подумаешь: "Да что же дурного, если готической стиль производит религиозную жуть?" Но я думаю, что религиозная жуть вовсе не должна быть целью христианского храма. Ведь храм — это место богослужебного собрания Церкви, здесь происходит "таинство собрания или общения", как говорит автор сочинения "о церковной иерархии". Всякое же общение, конечно, отгоняет от души какую бы то ни было "жуть". Никакой сакральности в церковном богослужении, в церковных напевах священного осмогласия совершенно нет. Но как много этой противной сакральности в разных сектантских собраниях! Слушать тошно!

Скажу Тебе, Друг, откровенно, что недолюбиваю огромных храмов, вроде, например, Исаакиевского собора, храма Христа Спасителя, куда собираются тысячи и где поэтому нет "прихода" и где не проис-

ходит "тайнства соборания". Это догматически нелепо, когда богослужение обращается в какое-то зрелище, когда богомольцы лишь наблюдают происходящее, оставаясь совершенно чуждыми друг для друга. Совсем иное дело, когда соберутся "свой", когда слушает "наш батюшка". А особенно переживаешь "тайнство соборания" в малолюдных монастырях, например, в пустыни "Параклит", где за богослужением у каждого свое место и собираются все свои. В таких монастырских храмах совершается ощутительно "тайнство Церкви", "тайнство соборания", а в "Исаакиях" это тайнство никак не чувствуется, будто его совершено и нет. Но ведь и огромные храмы мы начали строить опять по примеру западных еретиков, а раньше, например, в Москве предпочитали построить "сорок сороков" церквей, хотя бы и не огромных.

Итак, Друг мой, вот о чем говорит Кельнский собор, если к нему присмотреться внимательнее. Он говорит о рационализации христианства на Западе; он говорит о мечтательности болезненной мистики Запада. Рационализм совершенно не терпит церковного благолепия; он желает, чтобы и храмы были так же сухи и безжизненны, как логические схемы, а загнивающее и подавленное чувство обращается в чуждый сантиментализм. В рационализме равны и католицизм, и протестантизм. И вот, на мой взгляд, замечательный факт: церковная архитектура у них одна и внутренняя форма храмов равно бесцветна, хотя католики и признают седьмой вселенский собор, на веки благословивший всякое церковное благолепие. Рационализм в корне

ДА НЕ БУДУТ ТЕБЕ БОЗИ ИНИИ!

подтачивает основной нерв христианства: идеал обожения человеческого естества, утверждающийся на воплощении Сына Божия. Православная Церковь живет этим идеалом, о чем говорит и церковное наше благолепие. Ведь, по мысли отцов седьмого вселенского собора "иконного живописания изображение" служит нам "ко уверению истинного, а не воображаемого воплощения Бога Слова". Протестанты отвергли догмат об иконопочитании и теперь они вовсе не уверены в истинном воплощении Бога Слова. Во что обратили протестанты самое христианство? Они обратили его в какую-то вероучительную систему, которую, притом, каждый может составлять по своему. Протестантизм — христианство без Христа, Сына Божия, это религия Иисуса из Назарета. Но и католики христианство обратили в торговую сделку с Богом: добрые католики делают "добрые дела" и представляют Господу Богу подробный счет для оплаты "наградой". Как в жизни земной взыскание по исполнителю листу можно передать другому, так, по католической вере, можно поступать и в деле спасения: можно приобрести чужой исполнителю лист и Господь Бог обязан полностью уплатить причитающуюся "награду". Истинному воплощению Бога Слова и здесь места не находится.

Удивительное дело!.. Видал я множество католических и протестантских храмов и невольно думал: "Вот вы, гг. еретики, разукрасили свои храмы разными завитками архитектурными, ваши алтари порою похожи на витрины мебельных магазинов — ну,

скажите откровенно, неужели это лучше нашего иконного живописания?" Думається мне, мой дорогой Друг, что внутренний вид западных храмов не простая случайность вкуса. Нет, в основе лежит именно извращение Западом самого христианства, помрачение и даже отвержение истинного христианского идеала. Если христианство — схоластическая система, то для христианских собраний нужна аудитория более или менее удобная, а не храм. Все протестантские, особенно реформатские, кирхи и походи на аудитории: скамейки и кафедра — вот и все внутреннее убранство. Знаешь ли, Друг мой, иногда западные храмы приводили меня просто в ужас; возмущался я всей душой, когда видел эти плоды религиозной бедности, религиозного убожества. Расскажу тебе об одном своем подобном переживании. Было это в Дрездене. Воскресенье. Слышу, зазвонили по всему городу, будто в каком нашем городе. Хоть звон какой-то жалкий, жалобный и надтреснутый, не наш торжественный, величественный, поднимающий душу, все же стало приятно: и еретики, мол, Господа почитают! Сходил к обедне в православный храм. Особенно приятно бывает слышать православную службу "на земли чуждой". После обедни поехал в центр города на трамвае. Вижу, — весь почти вагон заполнили богомольцы православного храма. Слышна одна русская речь. Здесь же сидит в рясе с наперсным крестом какой-то священник (Я-то тогда был еще в неприличной одежде, т. е. в светской!). Так было приятно! Доехал до Altmarkt. Здесь вблизи есть большая

протестантская Kirche. Кажется, Grauenkirche. Впрочем, точно теперь не помню. Вхожу в дверь. Лестница ведет вверх. Поднимаюсь. Что же? Совсем так, как, например, в Московском большом театре, когда поднимаются на галерку. Поднимаюсь на этаж, — дверь. Еще на этаж, — опять дверь. Я все не решаюсь войти, а поднялся уж высоко, — кажется, на третий этаж. Открыл дверь и вошел. Что же оказалось? Я попал как бы на балкон второго яруса. Громадный храм устроен совершенно так же, как устраиваются театры. Внизу партер, а по сторонам в несколько ярусов балконы. Кое-где, очень не густо, сидят посетители. Okolo одного из балконов высокая кафедра и на ней проповедник-пастор говорит проповедь, будто лекцию читает в хорошо оборудованной аудитории. Помню хорошо, такая меня жалость охватила к несчастным еретикам, которые так опустошили, так обесцветили христианство, сделали его смертельно скучным! В храме никаких священных изображений: балконы, кресла и кафедра — вот и все, больше ничего. О, как почувствовал я в то время несравненное превосходство святого православия.

Да на Западе храмы постоянно и обращаются если не в театры, то в концертные залы. Входишь в храм и видишь, — на паперти висят афиши. Что такое? Оказывается в храмах в известные дни после богослужения даются концерты. Организатор такой-то, приехавший отсюда-то. Все объявлено. Один концерт — цена 1 марка или франк, 12 концертов — цена 10 марок или франков. Особенно помнится мне один такой концерт,

слышанный мною в красивейшем швейцарском городе Интерлакене при подножии Юнгфрау. Объявлено было, что лондонский органист дает концерт на громадном органе, приводимом в движение электрическим мотором. После вечерней службы, когда народ безбилетный ушел, прислужники прошли между скамейками и обратили их спинками к алтарю. Точно в-точь как в некоторых московских трамваях, когда нужно ехать в обратную сторону. Оставшиеся слушать концерт сели уже лицом к органу и спиной к престолу. Удивление мое еще больше возросло, когда, купив программу, я увидел номера светского пения. В каждом концерте, например, в программе значилась пьеса "Stigm" ("Буря"), не знаю какого композитора. Вещь действительно великолепная, а в могушем исполнении органа прямо восхитительная. Думаю, Тебе, мой Друг, в музыке в тысячу раз более меня понимающему, очень бы понравилась эта пьеса. Хотел бы я ее вместе с Тобой послушать, вместе пережить и перечувствовать это великолепное море звуков то могучих и грозных, как волны яростно бурного моря, то тихо рокоющих, как шум отдаленного моря, когда уж тучи пропалы, выглянуло солнце, а море еще не хочет успокоиться. Да, но слушать это во храме... Нужно наперед забыть, что ты во храме. На Западе это сделать легко. Во всех западных храмах, начиная хоть бы с Кельнского собора, про храм забыть легко и именно потому, что в них, как сказал я в начале письма, недостает Бога, недостает святости. В наших православных храмах про Бога не забудешь. Попробуй

ДА НЕ БУДУТ ТЕБЕ БОЗИ ИНИИ!

стать лицом к западу у нас в Троицком соборе или в нашем академическом храме, — вместо иконостаса увидишь грозную картину страшного суда. При виде этой картины не станешь мечтать о музыкальной "Буре", а скорее подумаешь о том, как бы успокоить в душе своей бурю страстей и разогнать черные тучи греха.